

Научная статья

УДК 94(47).048

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина
Санкт-Петербург, Россия

Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Аннотация

Рассматривается вклад приказчика Нерчинского уезда П. Я. Шульгина в усиление позиций России в Восточном Забайкалье и Приамурье в 1670-е гг. Основное внимание в исследовании обращено на меры, предпринимаемые Шульгиным для защиты ясачных людей и разрешения русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда. В то же время Шульгин укрепил позиции России в Приамурье, вооружая казаков Албазинского острога и стимулируя их продвижение в бассейн р. Зеи. Таким образом, умелая политика, сочетавшая в себе элементы силового давления и дипломатии, помогла Шульгину создать благоприятные условия для расширения зоны влияния Российского государства в Даурии.

Ключевые слова

П. Я. Шульгин, нерчинский приказчик, Забайкалье, Нерчинск, история

Для цитирования

Багрин Е. А. Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat

Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library
St. Petersburg, Russian Federation

Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Abstract

The article describes the main activities of Nerchinsk executive officer P. Ya. Shulgin, aimed to strengthen Russian positions in Eastern Transbaikalia. P. Ya. Shulgin governed affairs of Nerchinsk district from November 30th 1673 to the end of April – early May 1678. During this time he repelled the external military aggression of nomads who attacked the subjects of Russia – the indigenous population of the Nerchinsk district. The study focuses on marches out to Tabanutyand's "thieves" Tungus, as well as on the solutions to problems associated with the transfer of tribute to the Nerchinsk district from other places. He also enhanced the position of Russia in the Amur region, by arming Cossacks of the Albazin fort and stimulating their advance into the basin of the Zeya river. He actively used the means of diplomacy as well, facilitating the relocation to the Nerchinsk district of the tribes that roamed Mongol feudal lords' lands and rebels who got out of control of the Russian government. It is argued that the actions of P. Ya. Shulgin to repel external military aggression and settle the issues related to interaction with the "foreigners" of the Nerchinsk district laid a solid foundation for the trust of tribute collectors in the Russian government.

© Багрин Е. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56

Keywords

P. Ya. Shulgin, Nerchinsk executive officer, Transbaikalia, Nerchinsk, history

For citation

Bagrin E. A. Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-44-56

«Китайския и даурския¹ службы Нерчинских острогов»² приказчик Павел Яковлевич Шульгин – личность для истории становления российской власти в Забайкалье значительная. Между тем ему и его деятельности не посвящено ни одного специального научного исследования³. Упоминания П. Я. Шульгина при описании событий забайкальской истории нередко носят негативный оттенок. Причина этого в том, что исследователи, обращаясь к периоду его руководства Нерчинским уездом⁴, в первую очередь концентрируют внимание на конфликте приказчика с частью нерчинских служилых людей, обвинявших его в незаконных действиях [Васильев, 1916; Люцидарская, Каменецкий, 2020; Трухин, 2021]. А. П. Васильев писал о Шульгине, что «несправедливостью, взяточничеством и жестокостью он превзошел всех предшественников». Однако Васильев отмечал и энергичную политику нерчинского приказчика. Шульгин остановил натиск табунутов⁵, распространил границы русского влияния на юго-восток по р. Аргуни и подчинил себе Албазинский острог [Васильев, 1916, с. 131–138]. Г. Б. Красноштанов также писал о том, что Шульгин был очень деятельным человеком, склонным к смелым решениям. В рамках исследования, посвященного Н. Р. Черниговскому, Красноштанов впервые обратился к фактам, касающимся службы Шульгина в Тобольске и Якутске перед назначением в Даурию. Однако «нерчинский период» жизни Шульгина был рассмотрен только в связи с его взаимодействием со служилыми людьми Албазинского острога [Красноштанов, 2008, с. 186–232]. А. А. Люцидарская и И. П. Каменецкий отметили роль Шульгина в организации поиска серебряной руды на территории Нерчинского уезда, а также его помощь посольству Н. Спафария в Китай [Люцидарская, Каменецкий, 2020, с. 86].

Цель нашего исследования – показать, что деятельность Шульгина на посту приказчика Нерчинских острогов привела к значительному усилению позиций России в Восточном Забайкалье. Для этого мы сконцентрируем внимание на двух наиболее важных, на наш взгляд, проблемах: мерах по отражению агрессии «немирных»⁶ монголов и тунгусов и защите ясачных людей⁷, а также разрешению русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда.

Ситуация в Восточном Забайкалье, накануне приезда Шульгина в Даурию была непроясненная. Тобольский сын боярский Д. Д. Аршинский, занимавший место нерчинского приказчи-

¹ Даурия – историко-географический регион, включавший в себя территорию Забайкалья, а также Верхнего и Среднего Приамурья.

² Так Шульгин подписывал наказные памяти нерчинским служилым людям в 1677 г. (см., например: Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Ст. 4; Д. 45. Ст. 2). «Нерчинскими острогами» в 1670-е гг. назывались, расположенные в Нерчинском уезде Иргенский, Нерчинский, Теленбинский и Еравнинский остроги.

³ В ряде работ, посвященных истории Забайкалья и Приамурья в XVII в., о деятельности Шульгина либо совсем нет упоминаний, либо они очень кратки. К сожалению, всё внимание было обращено только на его предшественника Д. Д. Аршинского, отправившего посольство В. Милованова в Пекин [Беспрозванных, 1983; Александров, 1984, с. 91–92; Мясников, 1987, с. 172–180; Артемьев, 1999, с. 51].

⁴ Нерчинский (Даурский) уезд – административно-территориальная единица России, занимавшая большую часть Восточного Забайкалья, отделенную Яблоновым хребтом от Западного Забайкалья, входившего в Енисейский уезд (после 1682 г. – в Иркутский уезд).

⁵ Табунуты – монголоязычное племя, кочевавшее в бассейне р. Селенги.

⁶ Термин, используемый русской администрацией в Сибири XVII в. для обозначения ее коренных жителей, не подчиненных русской власти и вступавших с ее представителями в вооруженное противостояние [Зуев и др., 2017, с. 106, 146, 217, 301, 364 и др.].

⁷ Категория коренного населения Сибири, обязанная платить Московскому государству ясак (принудительная дань определенного размера мехами, скотом, хлебом и т. п.) [Зуев и др., 2017, с. 82–83].

ка четыре года и восемь месяцев (с 10 апреля 1669 г.), проводил крайне нерешительную политику в ответ на нападения «немирных иноземцев»⁸ на ясачное население Нерчинского уезда. Основной причиной этого, на наш взгляд, было опасение спровоцировать конфликт с маньчжурским Китаем⁹. Кроме того, немаловажным было и то, что Аршинский, вероятно, не имел и внутренних побуждений к активным действиям. Обращаясь к царю из Даурии, он отмечал свою долгую службу в Сибири и участие во многих военных походах, замечая, что стал «стар и увечен» и заслуживает перемены с «дальней» службы [Красноштанов, 2008, с. 182–183, 186, 232].

Время, когда Аршинский управлял Нерчинским острогом, можно охарактеризовать как период сильного давления на ясачное население Восточного Забайкалья и Приамурья со стороны «немирных» монголов, табунутов, тунгусов и дауров. В районе Еравнинских озер табунуты агрессивно и безнаказанно вытесняли из кочевий местных тунгусов, плативших ясак в Телембинский острог. В районе рек Онон и Ингода на ясачных людей регулярно нападали «воровские»¹⁰ тунгусы и намясинцы¹¹. В 1669 г. произошли события, значительно подорвавшие авторитет русской власти в Забайкалье. За несколько лет до этого баргузинские и верхоленские брацкие¹² ясачные люди «от Баргузинского острогу от Байкаловского моря и с Ольхону острова» ушли к мунгальскому Дайкон-тайше. Затем в 1666/1667 г. небольшая часть из них прикочевала к Нерчинску и три года платила ясак¹³. В июне 1669 г. около 15 000 воинов мунгальского Дайкон-тайши приблизились к Нерчинску на расстояние дневного перехода и, «неволей» забрав брацких людей к себе, отошли, расположившись всего в четырех днях езды от Нерчинска. Безнаказанность действий монголов привела к тому, что уже осенью – зимой 1669 г. тунгусы, кочующие по Онону, отказались платить ясак, обратив внимание на неспособность русских их защитить. Более того, в апреле 1670 г. они напали на лагерь ясачных сборщиков – служилых людей Телембинского острога и угнали у них коней. Казакам пришлось спасаться на плотках. В это же время продолжился процесс перехода баргузинских брацких людей к монгольским тайшам (АИ, 1842, № 250, с. 539–540; ДАИ, 1857, т. 6, № 15, с. 84–85).

Не менее тревожной была обстановка в Приамурье, где в 1665/1666 г. был основан Албазинский острог, формально¹⁴ подчиненный Нерчинску. «Богдойская» (подвластная мань-

⁸ «Иноземцы» – социополитоним, которым русские в XVI – начале XVIII в. называли представителей «иных земель», а применительно к Сибири – местных коренных жителей [Зуев и др., 2017, с. 31, 397–426].

⁹ В 1644 г. Китаем стала управлять маньчжурская династия Цин. В 1670-х гг. маньчжуры имели значительное политическое и экономическое влияние на коренных жителей Монголии и Приамурья, постепенно включая их территории в состав Цинского государства. В самом начале своего управления Нерчинским уездом Д. Д. Аршинский получил сведения от прежнего приказного человека «Даурских острогов» Л. Б. Толбузина о том, что у озера Кайлар в шести днях езды от Нерчинска находится до 7 000 чел. «богдойского» (принадлежавшего маньчжурскому цинскому Китаю) войска. Кроме того князец тунгусов-намясинцев Еткела сообщил, что на Аргунь регулярно приезжают около 400 маньчжурских воинов. Аршинский считал, что в случае конфликта они могут по двум дорогам атаковать укрепленные пункты Нерчинского уезда, где было только 124 служилых человека и две пушки. В 1669–1670 гг. отношения с Китаем стали крайне напряженными из-за набегов албазинских казаков на «богдойских» подданных в районе Зеи. Поэтому Аршинский неоднократно писал в Албазин о запрете данных походов (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 3. Ст. 1–2) (АИ, 1842, № 210, с. 454–457; № 226, с. 482; ДАИ, 1857, т. 6, № 6, с. 41, 43–45; № 22, с. 153; Албазинское воеводство, 2019, № 13, с. 83–84; № 14, с. 84–87) [Красноштанов, 2008, с. 144–145, 148].

¹⁰ В Сибири «ворами» и «изменниками» в российских нормативных и делопроизводственных документах XVII в. называли сибирских аборигенов, вышедших из повиновения власти русского царя [Зуев и др., 2017, с. 192, 217, 301, 406–407, 417].

¹¹ Намясинцы – племя тунгусов, жившее в бассейне Аргуни.

¹² В XVII в. русские источники называли всех монголоязычных подданных русского царя «брацкими людьми» (бурятами), а «мунгалами» – подданных монгольских ханов и тайшей [Долгих, 1960, с. 318].

¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Ст. 1, 3 об.

¹⁴ Жители Илимского уезда, сбежавшие на Амур после убийства илимского воеводы Л. Обухова, сразу после строительства Албазинского острога установили связь с нерчинской администрацией. Албазинцы, несмотря на свои предыдущие незаконные действия, пытались встроиться в государственную систему. Они собирали ясак «на государя», подавали в съезжей избе Нерчинска челобитные на верстание их в казаки Албазинского острога, над-

чжурам) территория, распространялась на бассейн Зеи, контролировавшийся даурами. Она стала центром притяжения «иноземцев», недовольных русской властью. Якутские служилые люди писали: «...богдойские люди с ясачными людьми торгуют, меняя на соборей серебряные кольца, луки, азямы и камки призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние реки и за Зию-реку». С юга Якутского уезда сюда уходили ясачные тунгусы и якуты. Дауры обложили данью тугирских тунгусов Инкагульского рода на р. Удь, которые платили ясак в Вехнемайском зимовье и распускали слухи о том, что они готовы выйти через Тугирь и Олёкму на р. Лену и атаковать русские остроги (ДАИ, 1857, т. 6, № 22, с. 153–154).

Тобольский сын боярский П. Я. Шульгин, сменивший Аршинского, руководил Нерчинским уездом четыре года и пять месяцев (с 30 ноября 1673 г. по конец апреля – начало мая 1678 г.¹⁵) [Красноштанов, 2008, с. 186, 232]. На протяжении этого времени в его распоряжении было от 170 до 190 служилых людей. В случае необходимости Шульгин привлекал к военным походам ссыльных и промышленных людей, увеличивая военные силы примерно в два раза. При этом он не мог рассчитывать на помощь ратников из западносибирских городов и соседних Енисейского, Илимского и Якутского уездов, так как их военный контингент был отвлечен на юг и северо-восток Сибири [Леонтьева, 2012, с. 27–42; Багрин, 2021].

Этими силами он должен был удерживать в повиновении около 15 000 «иноземцев», населявших Нерчинский уезд. По данным Б. О. Долгих, основным ясачным населением земель, контролируемых Нерчинском, были два тунгусских племени – нелюды и намясинцы. Нелюды включали в себя роды Баягир, Дуликагир, Колтагир, Луникир, Баликагир, Челкагир, Шунинский и др. Совокупно они могли выставить около 1 000 воинов. Князю Гантимуру из рода Дуликагир оказывалось особое доверие. Шульгин писал: «...в Нерчинском остроге дуликагирского роду князец Гантимур с родом своим служат государю прямою правдою и ясак платят без аманатов сполна»¹⁶. Дуликагиры помогали русским действовать против «воровских» тунгусов в бассейне Аргуни [Долгих, 1960, с. 345]. Мужчин из этого рода освобождали от ясака и при условии крещения в православную веру набирали в службу казаками. Кроме того, они усиливали немногочисленные отряды служилых людей, отправлявшиеся за ясаком¹⁷. Вторым наиболее сильным племенем были намясинцы, или наматы, – тунгусы, подверженные сильному влиянию монгольской культуры, склонные к «измене» и переходу в земли монголов [Долгих, 1960, с. 335–336, 338–339, 344–345, 347, 349; Зуев, 2020].

Коренные жители Нерчинского уезда, платившие ясак, считались подданными России. Они могли рассчитывать на самую главную царскую «милость», которая обещалась им при приведении в подданство, – защиту. В ситуации, когда русские власти игнорировали обеспечение их безопасности, начинался переход в зону влияния другого сюзерена [Зуев и др., 2017, с. 268–292]. В условиях Нерчинского уезда это было несложно, так как большинство коренных жителей вели кочевой образ жизни и могли уйти под защиту монгольских правителей.

К моменту приезда Шульгина самой важной проблемой в Нерчинском уезде было давление табунотов на телембинских ясачных людей. Это монголоязычное племя традиционно занимало большую территорию, прилегающую к р. Селенге. Здесь, по подсчетам Долгих,

зирали за крестьянами, «посажеными на пашню» на Лавкаевом лугу недалеко от Албазина по приказу нерчинского приказного человека Л. Б. Толбузина. Из Нерчинска шло снабжение албазинских казаков порохом и свинцом. В то же время они сами определяли время и направление военных походов против коренных народов, живших в бассейне Амура, в том числе нарушая приказы нерчинских приказчиков. Это стремление албазинского войска к «казачьей вольности» проявляло себя и после того, как в 1675 г. албазинцы были прощены царем и стали получать государственное жалование, а острогом стали управлять люди, назначаемые нерчинской администрацией.

¹⁵ Шульгин умер на третьей неделе по Пасхе 1678 г.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 38. Ст. 3.

¹⁷ Например, летом 1675 г. дуликагирские тунгусы из улуса Гантимура сопровождали нерчинского десятника В. Захарова в поездке к намясинским тунгусам, пожелавшим платить ясак (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Ст. 5–6).

жило около четырех тысяч табунотов. Еще две тысячи переходили на земли, контролируемые нерчинскими служилыми людьми. С 1664 г. табуноты, имевшие не менее 1 000 воинов, регулярно нападали на тунгусов в районе Еравнинских озер, рек Хилок, Кудунуй и др. [Долгих, 1960, с. 321–322, Александров, 1984, с. 71; Красноштанов, 2008, с. 203]. Жалобу об этом Шульгин получил, когда ехал принимать в свое управление Нерчинский уезд и остановился в Телембинском остроге. Ясачные тунгусы отметили, что табуноты с 1670 по 1673 г. убили у них больше 30 лучших людей¹⁸, «и детей в полон емлют, и животы грабят, и лошади, и скот отгоняют»¹⁹ [Красноштанов, 2008, с. 202].

В первую очередь нерчинский приказчик попытался выяснить, кому подчиняются табуноты. По сведениям ясачных людей, это был монгольский Очирой Саин хан. 23 декабря 1673 г. Шульгин отправил к нему сына боярского Бориса Ложкина, подьячего Данила Карташева, рядовых казаков Григория Булыгина и Карпа Юдина с просьбой «унять» агрессоров²⁰. Однако табуноты не пропустили посыльных через свои земли. Они вернулись назад 20 февраля 1674 г. в сопровождении табунотских посланцев [Александров, 1984, с. 71]. Представители тайшей²¹ Кетайчжи и Иркема известили Шульгина о том, что табуноты никому не подчиняются, а угодя, примыкающие к Телембинскому острогу, считают своими. В ответ Шульгин попросил передать, что если они без разрешения будут кочевать по Хилку и около Еравнинских озер, нападая на русских подданных, то он прикажет «из даурских острогов огрозиться ратными людьми без пощады». Однако реакции на его угрозу не последовало. Видимо, табуноты помнили нерешительную политику Аршинского. Весной 1674 г. они были в «днище» от Телембинского острога. Поэтому ясачные тунгусы были вынуждены жить недалеко от него под охраной служилых людей [Красноштанов, 2008, с. 202–203].

1 мая 1674 г. Шульгин собрал для нападения на табуноты значительные силы, включавшие служилых, охочих (добровольцев) и ясачных людей²². Походом командовали его сын Василий, нерчинский сын боярский Григорий Лоншаков и албазинский пятидесятник Никифор Черниговский. Отряд выбил табуноты от Еравнинских озер, встретив их в полутора днях пути от Телембинского острога. Кочевники потеряли в бою больше 100 воинов [Долгих, 1960, с. 322; Красноштанов, 2008, с. 203–204]. Этот «погром», по сообщению селенгинского приказного человека Гаврилы Ловцова, стал причиной «задора» с другими табунотскими тайшами, которые угрожали походом на Селенгинск и Братские остроги. По этой причине селенгинцы в августе 1674 г. боялись выезжать за ясаком (ДАИ, 1857, т. 6, № 114, с. 353–354). 5 декабря 1674 г. селенгинский приказной человек прислал Шульгину вестовую отписку, сообщив о том, что 500 табунотских воинов идут в Нерчинский уезд войной (ДАИ, 1859, т. 7, № 67, с. 324). Поэтому в январе 1675 г. Шульгин приказал нерчинскому сыну боярскому Бажену Никитину быть готовым к приходу противника к Телембинскому острогу²³. Однако опасения не подтвердились. Табуноты не напали. Таким образом, смелые действия Шульгина решили 10-летнюю проблему безопасности телембинских ясачных людей.

Победа над табунотами имела большое значение для укрепления русской власти в Забайкалье. В декабре 1674 г. (не позднее 10-го числа²⁴) нерчинские дети боярские Г. Лоншаков и Игнатий Милованов отправились в монгольские земли для покупки скота. Здесь по приказу Шульгина они призвали брацких людей, отогнанных монголами в 1669 г., назад в русские владения. В январе 1675 г. больше 1 000 улусных людей князца Зербо, включая 20 представителей племенной аристократии, вышли к Нерчинску. Предполагалось, что они перейдут

¹⁸ Пример одного из этих нападений приводит Долгих, отмечая, что в 1672 г. табуноты «побили» под Иргенским острогом 40 чел. баягирских тунгусов [Долгих, 1960, с. 339].

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Сст. 1–3.

²⁰ В Архиве СПбИИ РАН сохранилась наказная память Шульгина нерчинским служилым людям, возглавляемым Б. Ложкиным, о выезде за Еравнинскую степь к Очирой хану (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Сст. 1–3).

²¹ Монгольский титул для обозначения вождя племени, родовой группы.

²² По данным В. А. Александрова, 400 чел. [Александров, 1984, с. 71].

²³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 18. Оп. 1. № 4. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 96. Д. 22. Сст. 1.

к Байкалу и на о. Ольхон через Баргузинский острог. Однако Шульгин и Зербо не договорились об условиях этого перехода. Разногласия вылились в бой бурят с нерчинскими казаками, произошедший не позднее сентября 1675 г. на р. Торге. Служилые люди потеряли убитыми двух человек и многих ранеными. В итоге из вероятного союзника Зербо стал противником. Его люди отогнали от Нерчинска государственных и личных коней нерчинских казаков²⁵ (АИ, 1842, № 250, с. 539–540; ДАИ, 1859, т. 7, № 73, с. 344; № 75, с. 371–372).

8 июля 1675 г. Шульгин отправил к монгольскому Дайкон тайше десятника Филиппа Свешникова²⁶, рядовых казаков Василия Милованова, Петра Якимова и толмача Григория Харитонов. Взяв у монголов проводников, они должны были ехать вверх по р. Онону до улуса тайши. Посланцам предписывалось предложить ему перейти в русское подданство, чтобы «великий государь на него Дайкон тайшу войною послать не велел», а «пожаловал... ево... ото всяких неприятельских людей оборонять своими... людми». Шульгин объявлял, что ушедшие к Нерчинску брацкие люди принадлежат России, так как «искони... великому государю ясак платили». Ф. Свешников не получал полномочий решать серьезные вопросы и должен был предложить Дайкон тайше прислать своих посланников в Нерчинск²⁷. Таким образом, Шульгин не только старался наладить диалог, избежав конфликта, но и демонстрировал уверенность в своих силах, возможно, рассчитывая подтолкнуть к переходу в русские земли других кочевников.

Данная политика приносила свои плоды. В 1677 г. монгольский князец Мунгутей сообщил Ярофею Могулеву, покупавшему в его улусе скот, о том, что он хочет перейти под защиту Нерчинска. 18 августа 1677 г. Шульгин приказал Я. Могулеву, В. Милованову и толмачу Дмитрию Суетину отправиться вверх по Онону в кочевья Мунгутея. Они должны были передать весть о том, что нерчинский приказчик готов принять его в русское подданство. В памяти посланцам Шульгин обращал внимание на то, что при успехе миссии об их личном вкладе будет написано в Москву. Таким образом, нерчинский приказчик стимулировал своих подчиненных к активности²⁸.

Во время переговоров с кочевниками Шульгин был осторожен. Это хорошо иллюстрирует случай во время одного из визитов посланцев мунгальского контайши в Нерчинск. По приказу П. Я. Шульгина им выдали вино – выпить за «государское многолетнее здоровье». Приняв чаши, послы «поднесли» одну из них самому приказчику, но он отказался ее выпить, вероятно, опасаясь отравления²⁹.

Часть ясачных тунгусов, кочевавших около рек Чита, Онон, Ингода и др., подвергалась набегам «немирных» тунгусских родов чемчагиров, поинкинов, каранутов и онкотов, которые угоняли конные табуны и скот. Общее число воинов «воровских людей» в этом районе достигало 250 чел. Наибольшему давлению подвергался Луникирский род [Долгих, 1960, с. 342, 346–347]. Несмотря на то, что масштаб этих нападений был значительно меньше, чем со стороны табунутов, Шульгин серьезно относился к этой проблеме.

В июле 1675 г. (не раньше 15-го числа) князец Луникирских тунгусов Балбач сообщил о том, что «воровские» тунгусы Ижевцево рода вместе с намясинцами убили у него двух лучших человек, и попросил «дать свою государскую оборону». Шульгин отреагировал решительно. В том же месяце он разослал весть об опасности в Телембинский, Иргенский и Еравнинский остроги и стал тайно собирать силы в Нерчинске для незамедлительного удара по «ворам». Кроме служилых людей в поход должны были выйти «ясачные иноземцы», а также добровольцы из числа ссыльных людей, служивших в Телембинском остроге. Так как в войске было мало начальных людей, Шульгин приказал телембинскому приказному человеку Г. Лоншакову, имевшему большой опыт противостояния табунутам, передать дела

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Ст. 1; Д. 42. Ст. 3, 15.

²⁶ В наказной памяти среди посельных записан и десятник Яков Максимов, но его имя зачеркнуто.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 30. Ст. 1 – 3 об.

²⁸ Там же. Д. 45. Ст. 1–2.

²⁹ Там же. Д. 42. Ст. 13.

нерчинскому сыну боярскому Б. Никитину и срочно отправляться на место сбора³⁰. К сожалению, мы не знаем результата этого похода. Однако благодаря таким действиям Шульгина ясачные люди могли быть довольны подданством России. Долгих отмечает, что, имея за плечами поддержку русских, нерчинские тунгусы стали сами вторгаться по рекам Онону и Аге в монгольские земли [Долгих, 1960, с. 350].

Ситуация в Приамурье также требовала активного вмешательства. В 1676/1677 гг. на Зею бежали ясачные тунгусы, которые перебили в Майском зимовье служилых людей во главе с Иваном Карасем и забрали своих аманатов. На Зее они объединились с «прежними изменниками» тунгусами Петрушкина рода. Сюда же откочевали ясачные якуты. Шульгин писал о них: «...живут с теми де ворами кочуют неподалеку». Понимая, что сил, которыми он располагает, недостаточно для большого похода на Зею, приказчик просил якутского воеводу А. А. Барнешлева прислать в Приамурье служилых людей. Эти планы, вероятно, оказались нереализованными, так как Якутский уезд испытывал дефицит военных людей³¹.

Несмотря на то, что отношения администрации Нерчинска и албазинцев, стремившихся к казачьей вольнице, были сложными, Шульгин укреплял позиции албазинских казаков. Не позднее конца августа 1675 г. Шульгин направил в Албазинский острог, не имевший артиллерии, «пищаль медную» длиной два аршина и весом шесть пудов с полупудом и «пищаль затинную железную» длиной три аршина, поступившие из Енисейска в Нерчинск в 1672 г. [Трухин, 2020, с. 204] (АИ, 1842, № 226, с. 482). Кроме того, Шульгин одобрял нападения албазинских казаков на тунгусов Петрушкина рода, но отмечал недопустимость своевольных походов, которые могли нанести ущерб ясачным людям³². Нерчинский приказчик понимал, что усиление влияния гарнизона Албазинского острога в Приамурье ослабляет маньчжурское влияние, которое вызывало волнения коренных народов вплоть до оз. Байкал.

Вторым по значимости направлением деятельности Шульгина было разрешение русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда. Не позднее лета 1670 г. «изменил» ясачный тунгус Якутского уезда Онкоулко (Анкоулка) Сегленкин со своим родом. Поводом для этого послужили «налоги и насильства сына боярского Матвея Веснина, сотника Третьяка Зырянова и иных немногих толмачей и служилых людей», собиравших ясак в Чаринском зимовье. Онкоулко и его люди стали кочевать в Даурии, переходя оттуда севернее в верховья Олёкмы. В конце 1673 г. (не позднее 20 декабря) они осмелели настолько, что пришли под Албазинский острог. Тунгусы стали нападать на албазинских промышленных и служилых людей, занимавшихся пушным промыслом, убив трех из них. Остальные были вынуждены укрыться в Албазине³³ (ДАИ, 1857, т. 6, № 22, с. 153–154).

Эти события совпали со временем, когда Шульгин только прибыл в Нерчинск и принял его в свое управление. Получив сведения о ситуации под Албазином, он действовал быстро. В первую очередь Шульгин поставил управлять Албазинским острогом своего человека – нерчинского казака Семена Михайлова Вешняка³⁴, который вступил в должность албазинского приказного человека 10 февраля 1674 г. спустя всего 20 дней после получения известий о нападении тунгусов. Это был первый приказчик в Албазине, назначенный из Нерчинска. Таким образом, албазинцы теряли значительную часть своей «вольности», но, видимо, масштаб опасности со стороны тунгусов воспринимался ими как исключительный, поэтому они согласились перейти под прямое управление нерчинской администрации. Затем, заручившись государственным указом, Шульгин приказал Вешняку и албазинцам «походами или на промыслах изымать Анкоулка или сына ево взять в аманаты». Приказ был «накрепко»

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 18. Д. 5. Л. 1–2.

³¹ Там же. Ф. 96. Д. 28. Ст. 8.

³² Там же. Д. 38. Ст. 2–3.

³³ Там же. Д. 28. Ст. 6.

³⁴ Не позднее 31 августа 1675 г. С. Вешняка сменил тобольский пятидесятник А. Шехтин (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

передан «во всех зимовьях на промыслах»³⁵ (Албазинское воеводство, 2019, № 20, с. 102–103).

Меньше чем через два месяца на р. Нюкзе, правом притоке р. Олёкмы, промышленными людьми Якутского уезда были взяты в аманаты чаринские тунгусы Киндигирского рода: брат Онкоулко Такиля (Терешка) с сыном Теленпием (Туленца) и его же дядя Кирикан. Их поместили в Нюкзенское зимовье, которое вскоре осадили тунгусы, надеявшиеся отбить родственников. Бывшие в осаде промышленные люди Е. Григорьев, М. Мусатов и еще 5 чел. смогли выбраться из зимовья, чтобы привести помощь своим товарищам, продолжавшим удерживать аманатов. Они добрались до Албазинского острога, где 5 апреля 1674 г. сообщили об обстановке. 15 апреля 1674 г. на выручку осажденным в Нюкзенском зимовье людям отправились 60 албазинских казаков во главе с десятником А. Прокопьевым. Они «оборонили» (т. е. защитили) промышленных людей и забрали аманатов из Нюкзенского зимовья в Албазинский острог. Тунгусы, возглавляемые Демкой Анкаулевым, понимая, что силой вопрос возвращения родных не решить, попросили об уступках. Они предложили заменить в аманатах Такиля на его сына Теринца, а Туленцу на его брата Бартынея и, самое главное, разрешить им отдавать заложников и приносить ясак в Албазинский острог, не выдавая их назад в Якутский уезд, где они подвергались притеснениям. Кроме того, они обещали захватить аманатов у «немирных» тунгусов Петрушкина рода и передать их албазинцам. Все их просьбы были удовлетворены. Таким образом, был создан прецедент, когда под контроль албазинской администрации перешли тунгусы, прежде платившие ясак в Якутском уезде³⁶.

Якутский воевода А. А. Барнешлев писал Шульгину о том, что чаринские тунгусы Киндигирского рода вынуждены платить ясак в Якутск и в Албазин, так как их заложники находились в обоих острогах. Он считал действия албазинцев неправомерными. Однако Шульгин в переписке с Барнешлевым отстаивал законность перехода аманатов из рода Онкоулко в Албазин, обращая внимание на то, что он действовал с ведома Москвы и Тобольска. Правильность его решения была подтверждена уже в этом же году³⁷.

24 ноября 1674 г. в Баунтовском остроге изменили тунгусы Киндигирского рода во главе с князем Мунго и Челкагирского рода, возглавляемого Дербугой. Соединившись с «захребетными» тунгусами, они напали на Баунтовский острог и, ранив несколько служилых людей, отбили аманатов. Мунго грозился сжечь Баунтовский острог, высказывая желание «идти с войною» и на другие русские укрепленные пункты. Шульгину стало известно от нерчинских служилых и промышленных людей, которые промышляли соболя, что «воры» с Мунго прошли вниз по хребтам и по р. Шилке к Албазинскому острогу на соединение с тунгусами Онкоулка³⁸. В Албазин срочно отправились «нарошние» гонцы, нерчинские казаки: десятник Яков Максимов и рядовой Митка Тимофеев. Шульгин приказал Максиму при приближении баунтовских тунгусов к Албазину взять у них аманатов «разговорами» или «за боем». Мы не знаем подробностей появления Мунго в Приамурье, но, вероятно, он не нашел здесь поддержки. Не последнюю роль в этом сыграло то, что родственники мятежника Онкоулко сидели в албазинской аманатской избе. Не позднее 3 февраля 1676 г. Мунго вернулся в Баргузинский уезд, дал аманата и стал платить ясак «по прежнему». Баргузинский приказчик Богдан Несвитаев отметил, что Баргузинский, Ангарский, Баунтовский и Кучинский остроги жили в это время «смирно и безмятежно» (АИ, 1842, № 258, с. 561–562; ДАИ, 1857, т. 6, № 122, с. 367–368; 1859, т. 7, № 73, с. 343). Таким образом, расчетливые действия Шульгина в Приамурье привели к стабилизации обстановки в Прибайкалье.

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 28. Сст. 6–7.

³⁶ Там же. Сст. 7–8.

³⁷ Там же. Сст. 8.

³⁸ Киндигиры Якутского уезда, кочующие в бассейне реки Чары, платили ясак в Олёкминский острог и традиционно взаимодействовали с витимскими (баунтовскими) киндигирами. Их переходы с р. Чары на оз. Баунт и обратно были обычным делом. Перемещение тунгусов от Баргузинского и Баунтовского острогов на территории, прилегающие к Албазинскому острогу, продолжались и в 1680-х гг. В основном эти процессы были связаны с недовольством притеснениями со стороны ясачных сборщиков [Долгих, 1960, с. 305, 312].

С другой стороны, Шульгин осторожно относился к ясачным людям, переходившим из одного уезда в другой. В 1674/1675 гг. тунгусы Киндигирского рода князца Немтия (Нелтия) бежали из ведомства Баргузинского острога в Нерчинский уезд³⁹. Баргузинский приказчик Б. Несвитаев прислал из Баргузинского острога в Телембинский енисейских служилых людей во главе с Сергушкой Игнатьевым с просьбой содействовать в «аманатской поимке» беглецов. По приказу телембинского приказного человека, нерчинского сына боярского Б. Никитина нерчинские казаки поймали у перебежчиков двух «лутчих мужиков» Халбея и Челнугу и «посадили в железо». Однако их родственники, как и в описанном случае под Албазином, били челом с просьбой давать аманатов и платить ясак в Телембинский острог, а не в Баунтовский, где «за обидою и налогом» енисейского казака Елистратка Брюхова «платить им ясаку не в мочь». Шульгин, не имея на этот счет государева указа, приказал отдать аманатов енисейским служилым людям, чтобы «в Баргузинском и Баунтовском острогах в... ясачном сборе помешки не было». При этом он четко обозначил свое нежелание претендовать на «чужих» ясачных плательщиков⁴⁰: «как впредь будут поиманы и иных родов Баунтовского ясаку тунгусы, и я потомужь отошлю их в Баргузинской острог не задержав» (АИ, 1842, № 258, с. 561–562; ДАИ, 1857, т. 6, № 122, с. 368).

Шульгин создавал благоприятные условия для возвращения нерчинских «иноземцев», ушедших из сферы подчинения России. 31 июля 1677 г. Сонбукой – сноха намясинского шуленги⁴¹ Анки, сообщила в нерчинской съезжей избе через своего мужа Мынгея о том, что Анки кочует в трех днях пути от Нерчинска на Борзинских высотах. Его лучшие и все улусные люди во главе с Токоем стояли всего в «полуднище» на ключе Урдубулак. Намясинцы «изменили» в 1674/1675 гг. Они отогнали от Нерчинска 12 «государевых» и 250 казачьих лошадей, перебив несколько служилых людей. Теперь же Анки снова был готов платить ясак в Нерчинск, и ждал к себе ясачных сборщиков, обещая вернуть украденные табуны. Однако он не хотел приближаться к Нерчинску, опасаясь «аманатской поимки». К шуленге (не раньше 19 августа 1675 г.) отправился нерчинский казачий десятник В. Захаров с казаками и толмачами С. Анисимовым и Г. Расторгуевым. Несмотря на то, что намясинцами были убиты русские люди, Шульгин принял условия Анки, руководствуясь в первую очередь государственными интересами. Более того, условия платы ясака были льготными: три соболя с человека с возможностью заменить их скотом, а в крайнем случае – лошадьми⁴². Ясачным сборщикам запрещалось брать только «худую животину»⁴³. Отметим, что Шульгин старался не «перегибать палку» в отношении ясачных людей, предоставляя им и отсрочку в платеже⁴⁴. Например, тунгусам Челкагирского рода оставили лошадей, так как они были «нужны» (т. е. находились в плохом состоянии), и забрали их позднее⁴⁵.

³⁹ Вероятно, до этого киндигирские тунгусы князцов Нелтия и Калбея пытались уйти из зоны влияния баунтовских служилых людей законным путем. Они попросили баргузинского приказчика перевести их с оз. Баунт на Еравну, построив там острог для сбора ясака, обосновав просьбу нехваткой пастбищ. Шульгин не препятствовал строительству, несмотря на то, что эта территория традиционно входила в сферу интересов администрации Нерчинска. До этого нерчинский приказчик Л. Б. Толбузин вел себя по отношению к представителям соседнего уезда более агрессивно. В 1667/1668 гг. он сжег Еравнинский острог, поставленный баргузинскими служилыми людьми. Кроме того, он задержал в Нерчинском уезде племя тунгусов баликагиров, кочевавших к Баргузину (ДАИ, 1857, т. 6, № 118, с. 364–365) [Долгих, 1960, с. 343].

⁴⁰ Ситуации, когда ясачные плательщики становились причиной конфликта между уездами, были нередкими. Например, в 1676/1677 гг. на р. Лене якутские казаки поймали баунтовских ясачных тунгусов Киндигирского рода. Енисейский воевода попросил вернуть их в Баунтовский острог, а якутский воевода, в свою очередь, просил енисейцев вернуть в Чаринское зимовье перешедших к ним тунгусов Чуганского рода. Правительство поручило разобраться в причинах перехода ясачных людей, чтобы избежать «промеж городов ссоры» (ДАИ, 1862, т. 8, № 44, с. 172–173).

⁴¹ Шуленга – тунгусский или бурятский князец, глава племени, рода.

⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Сст. 1–6.

⁴³ Там же. № 23. Сст. 1.

⁴⁴ Случаи, когда ясачные люди уклонялись от платежа, также имели место. Например, в 1676 г. тунгусы, приписанные к Телембинскому острогу, «раскочевались врозь», не уплатив ясак (ДАИ, 1859, т. 7, № 32, с. 193–194).

⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 44. Сст. 4.

В то же время Шульгин, укрепляя свою власть, часто играл на противоречиях разных родоплеменных групп Забайкалья. Это следует из материалов «судного дела», в котором был собран ряд обвинений, выдвинутых против Шульгина нерчинскими казаками. В них отмечено, что по «подговору» нерчинского приказчика сын князя Катана, Гантимуров внук Шуленского рода Алдар отогнал табун у брата Катана Бородоя, младшего сына Гантимура, шуленга Уляцкого рода Чечек и тунгус Кучилиновского рода Залгитай украли табуны у монголов, а тунгус Калтагирского рода Матанга – у брацких ясачных людей. Все они из своей добычи дали Шульгину, а также его «потаковщикам» (помощникам) Филиппу Яковлеву и толмачу Григорью Харитонову по «доброму коню». Алдар также свидетельствовал в Енисейске о том, что он, кроме трех соболей государственного ясака, давал Шульгину и его сыну Василию еще по два соболя⁴⁶. Подобные действия не только были незаконны, но и наносили прямой ущерб государству. Например, брацкие шуленги Абахай и Тураки со своими людьми перестали платить ясак и ушли от Нерчинска, так как их табуны были отогнаны луникирскими тунгусами Балбачом и Тебенчой, действовавшими по приказу Шульгина⁴⁷ (ДАИ, 1859, т. 7, № 75, с. 372).

В феврале – марте 1677 г. нерчинские казаки обвинили Шульгина в ряде противоправных действий⁴⁸. Мы не будем останавливаться на них подробно, отметим только, что такие же злоупотребления совершались многими начальными людьми, занимавшими административные должности в Сибири [Александров, Покровский, 1991]. Масштаб нарушений, совершенных Шульгиным, не был расценен в Енисейске как повод для немедленного отстранения его от власти. Часть обвинений, особенно тяжких, таких как продажа его сыном Василием китайским людям огнестрельного оружия, пороха и свинца⁴⁹, видимо, не подтвердились. Кроме того, Шульгина не поддерживала только часть служилых людей в Нерчинске. В оппозиции к нему были такие казачьи лидеры, как Григорий Лоншаков, Семен Вешняк, Иван Астраханцев, Василий Захаров. На стороне приказчика остались Никифор Сенотрусов и Филипп Яковлев⁵⁰ (ДАИ, 1859, т. 7, № 75, с. 374) [Трухин, 2021]. Данное разделение показывает, что деятельность Шульгина, вызвавшая возмущение части нерчинских детей боярских и казаков, расценивалась неоднозначно и в рамках одного коллектива. Расследование должно было начаться тобольским сыном боярским Андреем Строгановым не раньше осени 1677 г., а Шульгин оставался на своем посту до самой смерти от болезни весной 1678 г.

Итак, за время своего руководства Нерчинским уездом Павел Яковлевич Шульгин кардинальным образом изменил позиции российской власти в Восточном Забайкалье. Успешные военные предприятия следовали в ответ на любую агрессию по отношению к контролируемому из Нерчинска ясачному населению. Образ русских как защитников стал привлекательным и соответствовал обещаниям, которые получали «иноземцы» при объяснении. Уход братских людей, тунгусов и намясинцев под власть монгольских предводителей сменился обратной тенденцией. В то же время Шульгин укрепил позиции России в Приамурье, вооружая казаков Албазинского острога и стимулируя их продвижение в бассейн Зеи. Нерчинский приказчик активно использовал и «мирные» средства влияния на «иноземцев»: переговоры, учет реальных возможностей плательщиков ясака, уплата дани без выдачи аманатов и др. Таким образом, умелая политика, сочетавшая в себе элементы силового давления и диплома-

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 9, 12–13, 21.

⁴⁷ Там же. Сст. 17.

⁴⁸ Зимой (не раньше конца февраля) 1677 г. в Енисейской приказной избе боярину и воеводе князю И. П. Бортинскому и дьяку Василию Телицыну нерчинский казак Евдокимко Алексеев и тунгус Алдар Катанин подали «черную» (черную) челобитную с обвинениями против нерчинского приказчика. «Белую» челобитную везли зачинщики бунта С. Вешняк и С. Федоров, но ее отнял Шульгин со своими соратниками. Расследование выдвинутых обвинений Енисейск возложил на А. Строганова. Вероятно, оно так и не началось до смерти Шульгина (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 1, 12, 20–21).

⁴⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 42. Сст. 20.

⁵⁰ Там же. Сст. 8, 13; РНБ. Инвентарная опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. 3. Годы 1673–1683. № 2626.

тии, помогла Шульгину создать благоприятные условия для расширения зоны влияния Российского государства в Даурии.

Список литературы

- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н.** Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.
- Багрин Е. А.** Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Учен. зап. Крм. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 3. С. 14–33.
- Беспрозванных Е. Л.** Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1986. 336 с.
- Васильев А. П.** Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Зуев А. С.** Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8. С. 9–34. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2017. 444 с.
- Красноштанов Г. Б.** Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.
- Леонтьева Г. А.** Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 321 с.
- Люцидарская А. А., Каменецкий И. П.** Стрелецкий и казачий голова Яков Шульгин и его потомки на службе в Сибири в XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 4 (25). С. 83–88.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1987. 514 с.
- Трухин В. И.** Албазинский острог: от «рописи» до «рописи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. Сборники Президентской библиотеки. СПб., 2020. Вып. 5. С. 200–215. (Серия «Электронный архив»)
- Трухин В. И.** История Албазинского острога в персоналиях: Григорий Лоншаков – приказной человек Албазинского острога в 1678–1679 годах // Град Албазин: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Новиковские чтения». 14–15 октября 2021 г. Благовещенск, 2021. URL: http://albazin.ucoz.ru/news/istorija_albazinskogo_ostroga_v_personalijakh_grigorij_lonshakov_prikaznoj_chelovek_albazinskogo_ostroga_v_1678_1679_godakh/2021-10-27-283 (дата обращения 04.11.2021).

Список источников

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.

Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Сост. В. И. Трухин, В. В. Крюков. Хабаровск, 2019. 628 с.
ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 6. 503 с.; 1859. Т. 7. 385 с.; 1862. Т. 8. 359 с.

References

- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia at the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1984, 272 p. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A., Pokrovsky N. N.** Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v. [Government and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Forts of Transbaikalia and Priamurye in the 2nd Half of the 17th – 18th Century]. Vladivostok, Dal'nauka, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Bagrin E. A.** Vooruzhennyye sily Nerchinskogo uyezda v 1660–1670-e gg.: k voprosu o krizise sistemy oborony Vostochnogo Zabaikal'ya [Military Forces of Nerchinsk District in 1660s – 1670s. Crisis of Defense System of the Eastern Transbaikalia]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 14–33. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Priamur'e v sisteme russko-kitayskikh otnoshenii: XVII – seredina XIX v. [Priamurye in the System of Russian-Chinese Relations: 17th – mid-19th Century]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1983, 206 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 622 p. (in Russ.)
- Krasnoshtanov G. B.** Nikifor Romanov Chernigovsky: dokumental'noe povestvovanie [Nikifor Romanov Chernigovsky: Documentary Narration]. Irkutsk, Reprintsentr A1 Publ., 2008, 378 p. (in Russ.)
- Leontyeva G. A.** Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov) [Service People in Eastern Siberia in the 2nd Half of the 17th – 1st Quarter of the 18th Century (Based on Materials from the Irkutsk and Nerchinsk Uezd)]. Moscow, MPSU Press, 2012, 321 p. (in Russ.)
- Lyutsidarskaya A. A., Kamenetsky I. P.** Streletskii i kazachii golova Yakov Shul'gin i ego potomki na sluzhbe v Sibiri v XVII v. [Streletsky and Cossack Head Yakov Shulgin and his Descendants in the Service in Siberia in the 17th Century]. *Gumanitarnyye problemy voennogo dela* [Humanitarian Problems of Military Affairs], 2020, no. 4 (25), pp. 83–88. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. [Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1987, 514 p. (in Russ.)
- Trukhin V. I.** Albazinskii ostrog: ot “rospisi” do “rospisi” [Albazin Ostrog: From One “Description Lists” to Another “Description Lists”]. In: *Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh. Sborniki Prezidentskoi biblioteki* [History of Russia, Hungary and China in Modern Scientific Studies. Collections of the Presidential Library]. St. Petersburg, 2020, iss. 5, pp. 200–215. (in Russ.) (Series “Electronic Archive”)
- Trukhin V. I.** Istoriya Albazinskogo ostroga v personaliyakh: Grigorii Lonshakov – prikaznoi che-lovek Albazinskogo ostroga v 1678–1679 godakh [The History of the Albazin Fortress in Personalities: Grigory Lonshakov – the Executive Officer of the Albazin fortress in 1678–1679]. In: *Grad Albazin. Materialy Mezhtseleynoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Novikovskie chteniya”*. 14–15 oktyabrya 2021 g. [Grad Albazin. Proceedings of the Interregional Sci-

entific and Practical Conference “Novikov Readings”. October 14–15, 2021]. Blagoveshchensk, 2021. (in Russ.) URL: http://albazin.ucoz.ru/news/istorija_albazinskogo_ostroga_v_personalijakh_grigorij_lonshakov_prikaznoj_chelovek_albazinskogo_ostroga_v_1678_1679_godakh/2021-10-27-283 (accessed 04.11.2021).

Vasilyev A. P. Zabaikal'skie kazaki. Istoricheskii ocherk [Transbaikal Cossacks. Historical Essays]. Chita, Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska, 1916, vol. 1, 232 p. (in Russ.)

Zuev A. S. Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8, pp. 9–34 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34

Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A. Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-Headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)

List of Sources

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)

Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva [Albazin Voivodship (Collection of Documents). Library of the Far Eastern Cossacks]. Comp. by V. I. Trukhin, V. V. Kryukov. Khabarovsk, 2019, 628 p. (in Russ.)

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Addendums to Historical Acts, Collected and Published by Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1857, vol. 6, 503 p.; 1859, vol. 7, 385 p.; 1862. vol. 8, 359 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Егор Андреевич Багрин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Egor A. Bagrin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 02.03.2022;
одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 24.05.2022
The article was submitted on 02.03.2022;
approved after reviewing on 07.04.2022; accepted for publication on 24.05.2022*